

Сделав несколько шагов, он оказался среди лошадей. Дядя Чжун был опытным возницей и не только знал повадки лошадей как свои пять пальцев, но и корм для них готовил с особым старанием. В ароматные соевые жмыхи он подмешивал фруктовые выжимки, кукурузу и отруби, а затем прессовал их в специальных формочках с оттиском иероглифа «упитанность». В темноте такое угощение легко можно было принять за лакомство для людей.

Чжу Яньинь взял один соевый жмых и попытался покормить лошадей. В усадьбе Чжу знали толк в изысканности, и их кони им подражали: ели чинно, не выхватывая корм друг у друга и не спеша пережевывая пищу. Сразу видно — выращены в благородном доме.

Чжу Яньинь нашел это занятие забавным. Отряхнув ладони от крошек, он потянулся за следующим жмыхом, как вдруг рука наткнулась на чью-то мохнатую голову.

— А! — вздрогнул он от испуга.

На него влажными глазами смотрел Тисюэ Учжуй.

Этот конь, угольно-черный с белоснежными копытами, лоснящейся спиной и жесткой курчавой гривой, выглядел куда свирепее и грознее, чем Чжаое Юйшицзы.

Но именно этот грозный скакун сейчас смирно терся о ладонь Чжу Яньиня, то и дело косясь на мешок с кормом.

Владыка дворца Ли отличался ледяным нравом и никогда не пил сливовый отвар.

Но его конь, судя по всему, высокой сознательностью не отличался: почуяв запах соевого жмыха, он сам приоткрыл пасть и потянулся к угощению.

Смешавшись с чужим табуном белоснежных, благородных коней, этот буйный и могучий зверь в один миг умял половину мешка.

Дядя Чжун: — ...

Чжаое Юйшицзы: — ...

В небе висела полная луна, серебристо-белая, с едва заметными алыми прожилками.

В горах притаилась глубокая заводь с ледяной, обжигающей холодом водой.

Ли Суй стоял в ней, обнаженный по пояс, с плотно закрытыми глазами. На его лице не было ни кровинки, а мокрые черные волосы беспорядочно прилипли к груди, отчего весь его облик казался еще более бледным и пугающе-неземным.

Спустя долгое время он открыл глаза и посмотрел на стоящего на берегу Цзян Шэнлиня:

— Сколько на этот раз?

— Два часа, — ответил тот. По сравнению с прошлым приступом время увеличилось еще минут на пятнадцать.

Ли Суй легко выпрыгнул из ледяной заводи, сорвал с ветки черный халат, набросил его на плечи и пошел босиком по сухим веткам:

— Пустяки.

Цзян Шэнлинь мысленно выругался. И кто из них двоих лекарь? Если этот упрямец сказал, что пустяки, значит, так оно и есть?

Ли Суй добавил:

— По крайней мере, Читянь сдохнет раньше меня.

Цзян Шэнлинь бессильно вздохнул:

— И почему ты равняешься именно на Читяня? Разве нельзя помериться долголетием с кем-нибудь другим? Например, с тремя старейшинами из обители Цинсуй.

У каждого из них белоснежные бороды свисали до самой груди, казалось, они на свете живут уже лет двести — само благополучие и долголетие.

— У меня нет с ними вражды.

— Тогда, может, мне попросить их как-нибудь посильнее насолить тебе, чтобы расшевелить твой боевой дух?

Ли Суй, одевшись, бросил:

— Не смешно.

Цзян Шэнлинь мысленно возразил: конечно не смешно. Умей он рассказывать забавные байки, разве стал бы с таким трудом лечить его? Уж лучше бы сидел в роскошной карете из древесины хуанхуали и травил байки Второму молодому господину Чжу. Глядишь, к этому времени накопил бы кучу серебра, накопил бы домов и земель в Цзяннани, заделался бы богатым помещиком и взял себе восемь жен.

Ли Суя утомила эта болтовня:

— Скажешь еще хоть слово — и я сброшу тебя в эту заводь.

Цзян Шэнлинь: — ...

Впрочем, ладно. К чему злиться? Кому от этого станет легче? Только силы и нервы зря тратить.

На склоне горы полыхали костры. Соединяясь друг с другом, они напоминали извивающегося огненного дракона.

Когда Ли Суй вернулся на горную тропу, Тисюэ Учжуй расхаживал возле дерева, помахивая хвостом и шумно фыркая.

Хоть и странно было говорить о «сияющем от радости лице» применительно к угольно-черному коню, Владыка дворца Ли не мог не заметить, что его верный скакун пребывает в отличном расположении духа.

...

Спустя три дня отряд прибыл в Байтоучэн.

Управляющий банковской конторы Чжу уже давно поджидал их у городских ворот. Увидев

повозки, он поспешил навстречу с широкой улыбкой:

— Второй молодой господин, управляющий Чжан, тяжелая выдалась дорога!

— Да не особо тяжелая, разве что все тело затекло от долгой езды, — ответил Чжу Яньинь. Он посмотрел на толпу людей в фиолетовых одеждах позади управляющего и спросил:

— Это все работники нашей конторы?

Управляющий торопливо пояснил:

— Наши люди ждут в городе. А те господа — ученики Зала Тяньчжу. Говорят, они пришли встретить Владыку дворца Ли.

Чжу Яньинь удивился еще сильнее. За время пути он успел заметить, что большинство орденов Цзянху при виде Ли Суя стараются держаться от него подальше. Все они пребывали в состоянии «и подлизаться хочется, и помирать прямо сейчас неохота, так что лучше обойти стороной». Зал Тяньчжу оказался первым, кто решил встретить его лицом к лицу.

Заметив интерес своего молодого господина, управляющий продолжил:

— Главу Зала Тяньчжу зовут Пань Шихоу. Ему сорок восемь лет. Человек он неплохой, но хвастун страшный. Больше всего любит прихвастнуть своей мнимой близостью с Владыкой дворца Ли из Дворца Ваньжэнь, утверждая, будто они общаются как дядя с племянником.

Чжу Яньинь спросил:

— А много у Зала Тяньчжу учеников? И почему они не участвовали в собрании мастеров боевых искусств?

— Для Северо-запада это довольно крупный орден, да и положение Пань Шихоу в Цзянху весьма почтенное, — ответил управляющий. — На этот раз он просто занемог, проболев месяца три-четыре, потому и не смог поехать в Цзиньчэн.

В этот момент слуги как раз поддерживали Пань Шихоу под руки. На его лбу выступила испарина, на ногах он держался с трудом и выглядел действительно очень слабым.

Но даже в таком плачевном состоянии он притащился к городским воротам, что наглядно показывало, насколько важным гостем для него был Ли Суй.

Вот только Ли Суй, судя по всему, его рвения не разделял.

Один из старейшин Банды попрошаек, друживший с Пань Шихоу, подошел к нему и негромко предупредил:

— Люди из Дворца Ваньжэнь сегодня утром свернули на западную горную тропу. Похоже, они направятся напрямик к реке Цуйхэ в обход города.

Выслушав это, Пань Шихоу то бледнел, то краснел, но все же попытался сохранить лицо:

— Старейшина Лю, вы меня неправильно поняли. Я пришел встретить друзей из Альянса боевых искусств. Дома уже накрыты столы с вином и угощениями, так что прошу всех не стесняться и пожаловать в гости.

Глядя на измороженного Пань Шихоу, Чжу Яньинь никак не мог представить ту трогательную картину, где они с Ли Суем величают друг друга «дядей и племянником» мянником». По большей части из-за того, что аура Владыки дворца Ли была слишком злодейской. Стоило ему встать рядом, как всем своим видом он выражал крайнее нежелание знаться с кем-либо. Он походил не на племянника, а на грозного отца всего Зала Тяньчжу.

Тем временем на горной дороге за городом ученики Дворца Ваньжэнь разводили костры для приготовления пищи. Цзян Шэнлинь, достав морковку, не спеша подошел покормить Тисюэ Учжуй.

Ли Суй недовольно проворчал:

— То-то я смотрю, он в последнее время разжирел. Оказывается, тебе просто нечем занять руки.

Божественный целитель Цзян остолбенел. Да как вообще можно быть настолько несправедливым? За целых полмесяца он угостил коня всего дважды!

Тисюэ Учжуй вяло жевал морковь, тоскуя по соевым жмыхам.

Ли Суй расчесал ему гриву и пару раз похлопал по голове:

— Возвращайся в город.

Цзян Шэнлинь опешил:

— Ты это с конем разговариваешь?

Ли Суй одарил его ледяным взглядом.

Цзян Шэнлинь примирительно поднял руки:

— Ладно, ладно. Вернусь в город и навещу вместо тебя Пань Шихоу.

Ли Суй бросил щетку в ведро и зашагал в противоположную сторону.

Цзян Шэнлинь лишь подумал про себя, какой же у Ли Суя скверный, собачий характер.

Если бы какое-нибудь бульварное издание из Цзянху сейчас предложило щедрую плату за статью на тему «Каково это — иметь друга с собачьим характером?», Божественный целитель Цзян непременно принял бы приглашение и анонимно расписал бы всё во всех красках тысяч этак на сто слов.

Тем временем в конторе Чжу Яньинь с комфортом принял ванну, поел и немного вздремнул. Когда он проснулся, на улице все еще было светло. До него доносился приглушенный гул голосов и стук проезжающих повозок — похоже, снаружи царило небывалое оживление. Расспросив управляющего, он узнал, что Пань Шихоу устроил пир на весь мир для гостей из Альянса боевых искусств. Столы тянулись от самого Зала Тяньчжу до улицы Цаошу. Торжество вышло настолько грандиозным, что все дороги оказались намертво заблокированы.

Чжу Чжан доложил:

— Божественный целитель Цзян сейчас тоже находится в Зале Тяньчжу. Он передал, что вернется в нашу контору только завтра.

— Значит, сегодня обойдемся без иглоукалывания, — кивнул Чжу Яньинь. Поразмыслив немного, он спросил:

— А есть ли в Байтоучэне какие-нибудь интересные места? Когда эти люди из Цзянху разойдутся, мы тоже могли бы выбраться развеяться. А то от постоянного лежания у меня уже все кости размякли.

Управляющий с улыбкой ответил, что раз молодой господин долгое время жил в Лючэне, что в Цзяннани, то здесь, на Северо-западе, ему непременно стоит взглянуть на местные диковины. Самой известной достопримечательностью Байтоучэна считается ущелье Хусяо, расположенное за городом. Издалека бурный поток напоминает полосу серебряного шелка, который на полупути внезапно обрывается вниз. Вода с ревом низвергается в бездну, вздымая огромные волны, чей гул подобен рыку тигра — зрелище поистине величественное и захватывающее.

Эти слова увлекли Чжу Яньиня:

— А ночью туда можно поехать?

— Конечно, отчего же нельзя, — подтвердил управляющий. — Сегодня луна чудесная, серебряным диском ложится на водный шелк — ночью вид даже краше, чем днем.

Чжу Яньинь принял решение:

— Отлично! Как только стемнеет, сразу едем в ущелье Хусяо!

Тем временем на улице Цаошу пиршество завершилось лишь тогда, когда солнце скрылось за горизонтом.

Все наелись и напились досыта, оставив после себя горы грязной посуды и объедков.

Цзян Шэнлинь просидел на этом пиру два часа. Пань Шихоу, поддерживаемый слугами, лишь дважды дрожащей рукой поднес ему чарку вина, но о лечении не проронил ни слова. Это казалось крайне странным. В конце концов, такой выдающийся лекарь в мире Цзянху ценился на вес золота, и за его благосклонность обычно боролись тысячи людей.

Размышляя над этим, он пришел к выводу, что возможных причин всего две. Первая — старик просто устал жить. Но Зал Тяньчжу процветал, дела у Пань Шихоу шли в гору, так что вряд ли он вдруг решил свести счеты с жизнью. Оставался лишь второй вариант — его болезнь была притворной.

Горная тропа за городом.

<http://bllate.org/book/18290/1754041>